

ПРОГНИВШИЕ НАСКВОЗЬ

**ПИТЕР
ЗВЕРЕТТ**

бывший
руководитель морга,
журналист-
расследователь

18+

**ТЕЛА И НЕЗАКОННЫЕ ДЕЛА
В ГЛАВНОМ МОРГЕ
ВЕЛИКОБРИТАНИИ**

// Не все покойники покоятся с миром. //

Питер Эверетт
Прогнившие насквозь. Тела
и незаконные дела в главном
морге Великобритании
Серия «На передовой. О
запутанных преступлениях и
тех, кому под силу их раскрыть»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57332875

Прогнившие насквозь : тела и незаконные дела в главном морге

Великобритании / Питер Эверетт: Эксмо; Москва; 2020

ISBN 978-5-04-108661-9

Аннотация

Что мы знаем о работе патологоанатома и внутренней жизни такого мрачного места, как морг? Эта книга написана человеком, которому довелось пройти путь от рядового служащего до директора главного морга в Великобритании, провести несколько тысяч вскрытий, поучаствовать в расследовании нашумевшего дела «Скотвеллского душиителя» и очутиться в пучине настоящего коррупционного скандала. Питер Эверетт имел дело со смертью в разных облициях, но самым неожиданным

и неприятным открытием для него стали недобросовестность, непрофессионализм и цинизм живых людей, которые называли себя его коллегами. Книга «Прогнившие насквозь» приоткрывает дверь в мрачный мир работников морга, о котором большинство из нас ничего не знает.

Понравилась книга? Знаем, что стоит прочитать дальше! На последней странице или в PDF-приложении вы найдете секретный промокод на скидку 40%

Содержание

Об авторе	6
Пояснение автора	7
Свидание в Самарре	8
01. Свидание со смертью	9
02. Дорога к смерти	31
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Питер Эверетт
Прогнившие насквозь
Тела и незаконные
дела в главном морге
Великобритании

Peter Everett & Kris Hollington

Corrupt Bodies. Death and Dirty Dealing in a London Morgue

Text copyright © 2019 Peter Everett and Kris Hollington

© Иван Чорный, перевод на русский язык, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

*Посвящается моей жене Венди и сыну Алистару,
разделившим со мной кошмар до самого конца*

Об авторе

Питер Эверетт – бывший заведующий моргом Саутуарка. Он имел дело с более чем 12 000 смертей, 400 из которых были насильственными. Впоследствии Эверетт стал тележурналистом в программе «Отчет Кука» (The Cook Report) на канале ITV, где занимался, помимо прочего, расследованием незаконной торговли человеческими органами. Теперь он руководит компанией, создающей телевизионные программы, и живет со своей женой Венди на юго-востоке Лондона. Это его первая книга.

Пояснение автора

Очень важно заботиться о том, чтобы секреты и истории некоторых людей, с которыми я столкнулся по своей работе (свидетели, полицейские, занимающиеся деликатной работой, и родственники некоторых жертв, в особенности детей), не были представлены таким образом, чтобы их кто-то узнал. За исключением публичных персон, автор сохранил конфиденциальность этих людей, изменив их имена и некоторые детали. Тем не менее читатель может не сомневаться в реальности каждого описанного дела. Те, что получили публичную огласку, представлены без каких-либо изменений.

Свидание в Самарре

(в пересказе Сомерсета Моэма, от лица Смерти)

«Жил в Багдаде купец. Послал он на базар своего слугу за продуктами, и вскоре тот вернулся, бледный и дрожащий, и сказал: «Господин, только что, когда я был на базаре, меня толкнула в толпе старуха, и, повернувшись, я увидел, что это была Смерть. Она посмотрела на меня и пригрозила рукой. Позвольте мне взять вашу лошадь, и я поскачу прочь из города, чтобы избежать своей участи». Купец дал ему лошадь, слуга сел на нее, вонзил ей в бока шпоры и помчался. Затем купец вернулся на базар и увидел меня, стоящую в толпе, подошел ко мне и спросил: «Почему ты пригрозила моему слуге, когда увидела его сегодня утром?» Я сказала, что не угрожала ему, а просто вздрогнула от удивления. Я не ждала увидеть его в Багдаде, так как в тот вечер у нас с ним было назначено свидание в Самарре».

01. Свидание со смертью

7 июня 1982

Меня разбудил пронзительный звонок телефона. Едва проснувшись, я потянулся к аппарату, случайно смахнул с прикроватного столика трубку для табака, из-за чего выругался, тем самым разбудив Венди.

– Да? – спросил я, протирая глаза. Светящиеся стрелки часов у кровати показывали 5:50.

Звонили из офиса коронера¹. В Стретэме обнаружили тело. За мной выехала полицейская машина.

– Хорошо, спасибо, – только и смог я выдать из себя, с трудом сев. И тут же пожалел о вчерашних поздних посиделках с доктором Иэном Уэстом, инспектором уголовной полиции Дугласом «Дуги» Кэмпбеллом и еще двумя детективами из убойного отдела. Иэн, заядлый курильщик, был добродушным и отзывчивым по натуре, а еще умел по-настоящему наслаждаться жизнью. Он был популярен среди детективов, потому что мог перепить каждого из них, за исключением, казалось, Дуги. Кроме того, Иэн был выдающимся судебно-медицинским экспертом. Позже, в 1984-м, доктор Уэст

¹ В некоторых странах это специальный эксперт, расследующий смерти с необычными обстоятельствами или произошедшие внезапно и объявляющий причину смерти.

проведет вскрытие полицейской Ивонн Флетчер, застреленной на улице рядом с ливийским посольством, и докажет, что пуля была выпущена из окна посольства.

Я весил относительно мало и редко злоупотреблял спиртным, однако последняя порция в ту ночь явно была лишней.

В сумке работника морга всегда есть мел, веревка, линейки, компас, лупа, фотоаппарат, альбом для рисования и латексные перчатки.

Пять минут спустя я открыл входную дверь подъезда своего многоквартирного дома, и в лицо мне со всей силы ударил ветер с дождем, выбив изо рта только что зажженную трубку, а из головы – все похмелье. В правой руке я держал рабочую сумку, врачебную. В ней всегда есть мел, веревка, линейки, компас, увеличительное стекло, фотоаппарат, альбом для рисования и латексные перчатки.

С тех пор как устроился заведующим морга Саутуарка, я больше не распоряжался своим свободным временем: я должен быть на месте убийства, как только дежурному судмедэксперту понадобится помощь. (Кажется, большинство убийств происходят между десятью вечера и шестью утра, особенно во время бури, метели и шторма.) Я проработал к этому времени всего несколько недель, но так часто выезжал на убийства, что уже был на «ты» с большей частью убойного отдела и чувствовал себя одним из ребят, работавших там.

В тот июнь стояла невыносимая жара, которая наконец была повержена грозovým ливнем, какие порой бывают в

предрассветные часы. Меня высадили в глухом переулке с заблокированной застройкой², рядом с оживленным железнодорожным переездом. Местные констебли³ благоразумно организовали узкий коридор, ведущий к месту преступления, чтобы не допустить загрязнения улики. Многие полицейские и даже некоторые детективы по-прежнему мало что знали о криминалистике (а то и попросту в нее не верили), так что это был неожиданный приятный бонус. Протянув удостоверение, я сквозь зубы поздоровался, шагнул за оградительную ленту на клумбу и начал продираться сквозь узкий проход между разросшимися кустами.

Когда я вышел к железнодорожным путям, дождь, к моей радости, прекратился и тучи уже расходились. Еще больше я обрадовался тому, что профессор Кейт Мант, глава отделения патологии больницы Гая, уже прибыл на место. Высокий, видный мужчина, с аккуратно подстриженными усами, профессор Мант всегда был рад поделиться секретами своих феноменальных профессиональных навыков. Его семья относилась к правящим кругам, однако он отказался присоединиться к адвокатской фирме отца, став первым за семь поколений семьи сыном, поступившим так. Вместо этого он выбрал медицину. Во время Второй мировой войны, будучи

² Тип малоэтажной жилой застройки, при котором расположенные в ряд однотипные жилые дома блокируются друг с другом боковыми стенами. Каждый из таких домов имеет отдельный вход, небольшой палисадник и иногда гараж.

³ Административная должность в англоязычных странах (конная полиция по современному; как правило, в правоохранительных органах).

бригадным генералом, Мант состоял в комиссии по военным преступлениям и занимался эксгумацией жертв холокоста и допросами офицеров СС, а также публичной оглаской немыслимо жестоких медицинских экспериментов, которые проводили нацисты над своими обреченными пленниками в концентрационных лагерях. Кроме того, профессор несколько лет проработал в Америке в качестве ведущего медицинского эксперта Вирджинии и до сих пор ездит туда с лекциями, что доставляет ему особое удовольствие, потому что, по его словам, он может курить сигару прямо во время занятия. Как раз в период своей работы в Вирджинии профессор Мант и повстречал Патрисию Корнуэлл⁴, тогда еще отчаянно мечтавшую стать автором детективов, и дал ей несколько дельных советов. Готовясь к выходу на пенсию, Мант предвкушал, как будет проводить больше времени, ухаживая за своими орхидеями и ловя форель, однако пока еще не был готов бросить свою первую любовь – патологию, и это несмотря на большую спину, особо мучившую его в последние годы. По этой причине профессору Манту, как правило, требовалось больше помощи, чем большинству судебно-медицинских экспертов.

– Тело заметил проводник, – сказал он, пожимая мне руку. – Бригада железнодорожных рабочих два часа назад пошла проверить, и потом позвонили в полицию.

⁴ Американская писательница, известная серией детективных романов о судебно-медицинском эксперте Кей Скарпетта.

Два констебля позаимствовали на близлежащей промышленной территории огромное брезентовое полотно, которое теперь привязывали к деревьям, расположенным неподалеку от тела, чтобы скрыть от глаз пассажиров проходящих поездов неприятное зрелище.

Я открыл свою сумку, надел перчатки, достал фотоаппарат и начал осмотр.

Это был маленький мальчик.

– Думаю, лет восемь, – сказал профессор Мант.

Мальчик лежал на спине с закрытыми глазами. Из его носа и рта вышло большое количество кровавой пены из-за проткнутого легкого. На туловище было несколько ножевых ранений. Рядом с головой лежали два бетонных блока, размером примерно с половину футбольного мяча каждый, оба испачканные кровью с прилипшими к ней волосами. На мальчике остался только один ботинок, а ширинка его штанов была расстегнута.

Большинство убийств происходят между десятью вечера и шестью утра, особенно во время бури, метели и шторма.

Я закончил фотографировать как раз к приходу инспектора Джона Каннинга. В свои тридцать с небольшим он был весьма молодым для инспектора уголовной полиции того времени. Так получилось благодаря его участию в новой программе ускоренного обучения лондонской полиции. Он был высоким, широкоплечим, а светло-коричневые волосы все-

гда были поразительно коротко подстрижены. Из левой руки Каннинг не выпускал зажженной сигареты и всю свою работу делал свободной правой.

– Ничего, если мы его подвинем? – спросил профессор Мант.

Инспектор Каннинг кивнул.

Стараясь действовать как можно осторожнее, я взялся за левое плечо мертвого ребенка, в то время как инспектор Каннинг, тоже в латексных перчатках, взял его за бедро. Кожа была все еще теплой на ощупь. На счет три мы медленно перевернули тело на бок.

Слегка вздрогнув, профессор Мант наклонился, чтобы лучше рассмотреть раны на голове.

– Да, я бы сказал, что череп пробит, – сообщил он. – Можете теперь его опускать.

– Кого-нибудь арестовали? – спросил я.

Инспектор Каннинг покачал головой.

– Кто-то сообщал о пропавшем ребенке?

– Да, – ответил он, рассматривая фотографию мальчика, предоставленную его матерью для объявления о розыске. – Это определено он.

На фотографии я увидел традиционный портретный снимок беззаботного мальчика с неудержимой хитрой ухмылкой.

– Мэтью Картер. Восемь лет. Родители живут там, – добавил инспектор Каннинг, кивнув нам за спину, – в доме за за-

пасными путями. Наведаюсь к ним, как только здесь закончим.

Окрикнувший нас констебль дал знать, что нашелся пропавший ботинок мальчика. Он валялся метрах в тридцати от тела, рядом с дырой в заборе. По другую сторону забора, на небольшом пустыре, неподалеку от домов блокированной застройки стоял его велосипед ВМХ.

– Судя по всему, он убежал, – сказал профессор Мант, повернувшись спиной, чтобы осмотреть ножевые ранения: все они были примерно по два с половиной сантиметра шириной. Он нагнулся ближе и надавил на одно из них. – Лезвие длиной от семи до десяти сантиметров. Кровь вспенилась из-за попадания в легкие, так что, судя по ее количеству, после ранения он еще какое-то время дышал.

– Получается, ему на голову сбросили бетонный блок, чтобы прикончить? – поинтересовался инспектор Каннинг.

Профессор Мант кивнул:

– Вероятно. После вскрытия мы сможем дать более подробную картину.

Достав из кармана пальто небольшую сумку с инструментами, Мант взял несколько мазков из ротовой полости и щек мальчика. Попытавшись подняться, он сморщился от боли:

– Питер, не сможешь мне?

Я помог ему встать на ноги. Смахнув с рук мусор, профессор сказал:

– Под ногтями нет ни крови, ни частиц кожи, так что либо у него не было возможности, либо он не пытался отбиться от того, кто на него напал.

Я быстро сделал набросок места преступления, включив в него глухой переулок, железнодорожные пути, маршрут до потерянного ботинка и велосипеда, указав некоторые расстояния. Затем с помощью констеблей мы поместили тело Мэтью в пластиковый мешок. Когда его погрузили в труповозку (автофургон ритуального агента), мы отправились в морг вместе с профессором Мантом на заднем сиденье полицейской машины. Закурив трубку, я стал обдумывать это ужасное преступление. Инспектору Каннингу предстоял тяжелый день. Он должен был сообщить душераздирающие новости матери Мэтью. Затем я задумался о собственных проблемах, в частности о том, что ожидало меня по приезде в морг Саутуарка.

Мое недавнее назначение заведующим морга Саутуарка всего двумя месяцами ранее, в апреле 1982-го, стало для меня полной неожиданностью. Я был относительно молодым и неопытным, прежде работал только в обычной больнице, а судебный морг Саутуарка оставался самым загруженным в стране (каждый год в него поступало примерно две тысячи тел). Мне выпала честь работать под руководством королевского коронера, доктора Гордона Дэвиса. Дэвис был удивительным человеком. Будучи лучшим коронером в стране, он был еще и успешным врачом, военным офицером, адво-

катом, психиатром и изобретателем. Он обладал невероятной проницательностью и интуицией и однажды дал отличный совет своему коллеге-коронеру по делу одной старушки, найденной у себя на кухне с газовым отравлением: «Раз клетку с волнистым попугайчиком переставили в другую комнату, это самоубийство».

Казалось, у меня все складывалось крайне неплохо: мне было тридцать с небольшим, я прилично зарабатывал, жил в роскошном служебном пентхаусе в пяти минутах ходьбы от Лондонского моста, а судебной медицине меня собирались учить лучшие судмедэксперты МВД. К сожалению, чего я не знал, придя одним солнечным весенним утром на свой первый рабочий день, так это того, что больше никто не хотел заниматься этой работой. Среди людей знающих (к коим я не относился, так как пришел из обычной, а не из судебной медицины) работа в Саутуарке считалась делом вредным и неблагодарным.

Морг Саутуарка был, мягко говоря, атмосферным местом. Здание построено на месте тюрьмы Маршалси, прославившейся благодаря роману Чарльза Диккенса «Крошка Доррит». И Диккенс, и Уильям Шекспир ходили в расположенную по соседству церковь святого Георгия. Внешняя стена морга когда-то была частью тюрьмы, и, как я позже узнал во время реконструкции, когда строители выкопали из земли скелет, эта часть морга – большая часть – была построена прямо на тюремном кладбище.

Первый день стал для меня шоком. Зайдя в секционную, я словно очутился в столице ада с картин Хогарта⁵. На каждом из трех металлических столов лежало по телу на разных стадиях вскрытия, а еще два дожидались своей очереди на тележках. Старший судебно-медицинский эксперт приветствовал меня словами: «Слава богу, кавалерия прибыла!» Это был профессор Хью Джонсон. Который хоть и считался одним из самых выдающихся судмедэкспертов Лондона, но оказался злобным великаном, словно дожившим до наших дней со времен Эдуардов. Его все больше переполняла желчь с тех пор, как он проиграл борьбу за должность главы отделения судебной медицины в Лондонской больнице. Профессор выходил из себя на ровном месте, и порой скальпели летали по секционной, словно метательные ножи.

Одна из стен помещения была усеяна полками, наполовину изъеденными личинками древооточца⁶, а в дальнем углу располагались две грязные алюминиевые раковины, заваленные окровавленными инструментами. Сотрудник морга, со свисающей изо рта сигаретой, смывал кровь с пола шлангом, в то время как нервничающий судмедэксперт-практикант пытался рассечь мозг под свирепым взглядом профессора Джонсона. «Эти болваны ни черта не смыслят!» – за-

⁵ Уильям Хогарт (1697–1764) – английский художник-реалист. Здесь речь о гравюре, иллюстрирующей «Потерянный рай» Мильтона Джона, – барочное видение художником Дворца Пандемониума (столицы ада), воздвигнутого дьяволами в аду.

⁶ Семейство ночных бабочек.

кричал профессор, повернулся обратно к практиканту и, показывая на мозг в его трясущихся руках, командным голосом рявкнул: «Какого черта ты ждешь? Положи уже эту хрень в ведро!»

За секционной был коридор длиной метров пятнадцать, вдоль одной из стен которого стояли девять холодильников. Крайний холодильник, как я позже узнал, никогда не использовался, так как его дверцу поставили неправильной стороной. Помещение для разложившихся трупов («вонючек», как между собой зовем их мы) располагалось рядом с дверью в зал коронерского суда. Не выдержавших вони присяжных зачастую приходилось выводить в соседний парк «Табард Гарденс», пока помощники coronera распыляли в зале суда освежитель воздуха. Наконец, двери с электронным замком, ведущие в зону приема тел со стороны внутреннего двора морга, которые не открывались вот уже шесть лет, и вновь поступившие тела приходилось заносить через главный вход, где их было видно с улицы.

Продолжив самостоятельную экскурсию по моргу, я набрел на отделение coronera. Его помощниками были констебли полиции. Они вели по его поручению расследования подозрительных смертей и были основными контактными лицами для coronera, родственников погибших, врачей, полиции и ритуальных агентов. Я зашел к ним в кабинет и подружески пожелал доброго утра, однако меня встретили восемь пар враждебных глаз. Презрительно посмотрев на ме-

ня, констебли что-то пробурчали в ответ, а затем вернулись к своим печатным машинкам.

Мой коллега – профессор Джонсон – порой настолько выходил из себя, что мог бросаться скальпелями прямо в секционной во время вскрытия.

В то утро, переступая порог морга, я был переполнен энтузиазмом. К обеду я уже был измотан и с радостью скрылся в своем кабинете, где в отчаянии схватился за голову, раздумывая над тем, как теперь из всего этого выпутаться. Моя работа в должности заведующего морга, казалось, включала обязанности чуть ли не всех сотрудников, и, помимо таких обычных дел, как помощь судебно-медицинским экспертам с проведением вскрытий, поддержание связей с полицией, организация приема и размещения тел, проверка отчетов о вскрытии, написание собственных отчетов и составление расписаний дежурств, я уже провел немало времени, вытирая пол после неумелых санитаров, а также пытаюсь почистить, привести в порядок и разложить оборудование так, чтобы его можно было потом найти.

Темп был беспощадным. Казалось, здесь на первом месте было количество, а не качество. Мне сказали, что для судмедэксперта было обычным делом проводить за день более двадцати вскрытий. Я только что прибыл из больницы святой Марии, где был старшим сотрудником морга, и там мы проводили в среднем четыре вскрытия в день. Здесь работники морга разрезали тела и помещали органы в пластико-

вые ведра до прихода эксперта. К сожалению, в неизбежной спешке они зачастую не замечали такие важные посмертные признаки, как пневмоторакс или гематомы. В больнице святой Марии на одно вскрытие уходило до трех часов; здесь же оно занимало в среднем десять минут.

В 1980-х в морге Саутуарка было нормой проводить более двадцати вскрытий в день, В то время как в больнице Святой Марии – четыре.

Наглядный пример. Через несколько дней после начала работы там я увидел, как на стоянке паркуется известный судебно-медицинский эксперт. Закончив разговаривать по телефону, я заварил ему кофе. Когда же пришел в секционную с дымящейся кружкой в руках, он уже закончил проводить вскрытие.

Основной причиной подобного подхода были деньги. Судмедэксперты получали солидную сумму за каждое обследованное тело, и эта сумма шла дополнением к зарплате и деньгам, полученным за частные консультации. Неудивительно, что все они жили в отдельных домах и ездили на дорогих машинах.

* * *

Вернемся к моему первому дню в морге Саутуарка. Чтобы открыть дверь в мой кабинет, ее пришлось несколько раз с

силой толкнуть. Внутри было пыльно и пусто, не считая заставленной папками книжной полки, металлического каталожного шкафа и письменного стола, одну из сломанных ножек которого подпирало старое издание «Анатомии Грея»⁷. Одна стена представляла собой голую кирпичную кладку – бывшая тюрьма Маршалси. Из грязного закрашенного окна, от которого дуло, открывался вид на кладбище святого Георгия.

Я бросил портфель на стол, тот зашатался и затрещал. Я достал сэндвич и трубку. С удивлением обнаружил, что у нас подходили к концу запасы практически всех используемых химических реактивов и медицинских принадлежностей. В больнице святой Марии такого бы в жизни не случилось – возможно, в этом и заключается разница между больничным и судебным моргом. Закурив трубку, я принялся изучать папки с бумагами моего предшественника, чтобы заказать новые поставки. Согласно документам, у нас должно быть полно реагентов, инструментов и оборудования – столько, что хватило бы на небольшую армию. Где же все это? Я решил внимательнее просмотреть все папки, начав с двух пухлых с надписью «Сотрудники».

Тридцать минут спустя я уже позабыл про оставленные у меня на столе трубку и сэндвич, и наполнявшая меня с утра радость жизни была не более живой, чем лежавшие в холодильниках трупы. Листая страницы, я узнал с растущим смя-

⁷ Англоязычный учебник анатомии человека, признанный классическим.

тением, что не на одного, не на двух, а сразу на нескольких сотрудников морга недавно возбудили уголовные дела, причем не только в Саутуарке, а в судах по всему Лондону. Первым привлекло мое внимание дело санитара, обвиненного в каннибализме. Его застали за поеданием человеческой печени, а в ходе обыска у него дома в холодильнике были обнаружены запасы человеческих органов. Другого санитара арестовали за то, что он несколько раз воткнул в одно из тел нож, бог его знает зачем, – возможно, его вдохновил Шерлок Холмс, избивавший труп в «Этюде в багровых тонах», чтобы понять, остаются ли после смерти синяки.

Кражи в Саутуарке, казалось, были обычным делом. Я видел, что кто-то изменил официальные документы, неумело подчистив спецификации, чтобы скрыть пропажи. Еще наткнулся на письмо одного ритуального агента, жаловавшегося на то, что тела из морга отправляют в залитых кровью гробах. Виновником был Джордж, мой заместитель, однако дисциплинарные слушания, проведенные департаментом окружающей среды совета Саутуарка (наше прямое руководство), привели лишь к письменному предупреждению.

Среди множества писем с жалобами на допущенные в морге ошибки и скверное поведение раздраженных судмедэкспертов была упомянута и грубая халатность – неправильная маркировка двух трупов. Вскрытие обоих тел было проведено с использованием информации из несоответствующих медкарт. В другом отчете значилась жалоба от убойно-

го отдела, согласно которой Джордж провел вскрытие тела с подозрительной смертью до прибытия детективов. И снова происшествие было зафиксировано, но никаких мер не предприняли. Две недели спустя очередной случай неправильной маркировки привел к тому, что два тела перепутали и отдали не тем родственникам. Это случилось уже во второй раз. В первом случае одна из семей успела кремировать тело, прежде чем вторая успела сообщить об ошибке: они планировали устроить похороны с открытым гробом. Несмотря на все это, Джордж ничего, кроме письменных предупреждений, не получал.

В 1980-х британские морги были небезопасным местом. Одного санитара обвинили в поедании человеческих органов, а кражи с трупов были обычным делом.

В морг – чрезвычайно защищенное здание – недавно вломились и украли дорогие часы, принадлежавшие одному из покойников. Случилось это как раз в ту ночь, когда Джордж «забыл» убрать в сейф все личные вещи. Мне следует отметить, что Джордж жил, как и я, в служебной квартире, расположенной прямо над моргом. В качестве меры на кражу со взломом совет постановил установить новый сейф, а также оборудовать морг инфракрасной системой тревожной сигнализации.

Мне было очевидно, что при первых признаках опасности сотрудники морга стояли друг за друга горой, и по большей

части им удавалось скрывать подобные происшествия. Вместе с тем никто не чувствовал себя обязанным попытаться что-либо поменять. Неудивительно, что перед назначением мне не предложили экскурсию по моргу. У меня попросту не было ни малейшего понятия о том, что тут творится.

Ко мне в дверь постучали.

– Входите! – проорал я, разгневанный тем, что оказался брошен в львиное логово.

Преступники оскверняли мертвых, обманом лишали их родных семейных реликвий и превращали похороны в посмешище.

Зашел небритый, краснолицый, лысеющий мужчина двадцати с лишним лет, смотревший на меня с презрением. Он представился Джорджем, моим заместителем. За ним стоял напоминавший палочника юноша с очень тревожным видом. Оказалось, что это Эрик из Пекхэм⁸, один из младших сотрудников морга.

– Ах, Джордж, – сказал я, пытаюсь придать своему голосу интонацию дружелюбно-строгого руководителя. – Хотел с тобой поговорить. Насколько я знаю, ты исполнял обязанности предыдущего заведующего, и у тебя ключи и коды от всех дверей и сейфов. Передай их, пожалуйста, мне.

– Нет.

– Прости?

⁸ Район южного Лондона.

– Нет. Как по мне, – заявил он с сильным акцентом кокни, – так настоящий заведующий здесь я. Я тут всем заведую.

Я лишился дара речи и с напряжением ждал, что он скажет дальше.

– Все, что от вас требуется, – продолжил Джордж, стоя рядом с Эриком, который все больше нервничал, – так это держать язык за зубами.

Я по-прежнему был в оцепенении.

– Если будете молчать, сможете поднять себе зарплату процентов на пятьдесят.

– Что за чертовщину ты несешь? – наконец выдавил я из себя.

– Мутки, – сказал Джордж, приближаясь ко мне, пока не подошел вплотную к моему столу.

– Мутки?

– У многих трупов, что к нам поступают, нет родных. Иногда при них бывают деньги или драгоценности. Мы забираем их, продаем ювелирку кое-кому в Пекхэме, а потом делим выручку. Никакой опасности, – сказал Джордж, указывая на папки у меня на столе. – Все, что от нас требуется, – это пошаманить с документами. И мы занимаемся этим уже давно. На этом мы сшибаем по пять кусков в год.

В то время «пять кусков» были небольшим состоянием. Джордж получал, наверное, четыре тысячи фунтов в год. Моя годовая зарплата была десять тысяч фунтов.

– Помощники коронера нам помогают.

Помощники коронера служат в полиции. Я поверить не мог, что полиция могла быть замешана в чем-то подобном, о чем и сообщил Джорджу; в ответ тот настолько беззаботно назвал несколько имен, что мне ничего не оставалось, кроме как поверить ему.

Джордж также заявил, будто некоторые помощники коронера неплохо зарабатывают на разных обманных схемах. Так, за некоторую плату они рекомендуют определенных ритуальных агентов. А ритуальные агенты продают цветы обратно флористам и берут деньги с родных покойников за внутреннее убранство (подушки и обивка для гробов), которое затем не предоставляют. Сотрудники даже уносят домой из морга различные бытовые принадлежности.

В соответствии с правилами профсоюза, после ухода моего предшественника его заместитель, т. е. Джордж, автоматически получал должность заведующего моргом до тех пор, пока не будет найдена квалифицированная замена, однако из-за урезанного бюджета совет несколько месяцев не мог позволить себе нанять кого-то нового. За счет этого у Джорджа было достаточно времени, чтобы закрепить свои позиции.

Начав приходить в себя и ощутив нарастающую злость, я встал и направился в сторону Джорджа и Эрика. Передо мной никогда в жизни никто не пригибался, однако Эрик, думаю, мог бы стать чемпионом мира по съезживанию, когда его ноги согнулись в коленях, и он отвернулся от меня, тря-

сясь от страха. Джордж между тем оставался неподвижным.

– Джордж, – сказал я, едва контролируя свой голос. – Сегодня мне выпало несчастье узнать, что этот морг сейчас в худшем состоянии, чем во времена Диккенса, и я, как этого требует от меня должность, силой затащу его в XX век. Если ты сейчас же не отдашь мне эти ключи, я тут такой шум подниму, что ты пожалеешь, что вообще узнал про морг Саутуарка.

Джордж смерил меня холодным взглядом.

– Справедливо, – сказал он наконец, доставая из кармана своей куртки связку ключей. – Только не вставляйте у меня на пути, и я не буду на вашем.

Когда они ушли, я был в полном ступоре. Взяв себя в руки, позвонил старшему управляющему из совета. Он был чуть более чем немного смущен, когда вместо дружелюбного отчета о первом дне я выложил ему все про состояние морга, про Джорджа и кражи с трупов. После долгой паузы он, заикаясь, сказал, что ввиду отсутствия доказательств мне не следует что-либо предпринимать и кому-либо об этом рассказывать. Одних только документов недостаточно. Согласно бумагам, все проблемы были «разрешены», а виновники понесли соответствующее наказание, хоть я и видел, что это явно не так. Все, что я видел и слышал, включая «признание» Джорджа, могло быть оспорено в суде.

В 1980-х не только работники британских моргов любили поживиться золотом мертвецов – существовала

целая сеть воров, скупщиков и покрывающих их начальников.

Я повесил трубку. Это нельзя было оставить так. Преступники оскверняли мертвых, обманом лишали их родных семейных реликвий и превращали похороны в посмешище. Я не был уверен, что именно мне следует сделать, но если требовались доказательства, чтобы расшевелить начальство, именно их мне и нужно было заполучить.

* * *

С того самого дня я не переставал думать о том, как положить конец преступному царствованию Джорджа, однако у меня было столько важных дел, что шли недели, а я так и не мог ничего предпринять. Когда мы с профессором Мантом проезжали через главные ворота морга, возвращаясь с места преступления, я увидел, что Джордж уже был на месте, с сигаретой, крепко зажатой между тонкими губами. На месте был и Эрик, который до сих пор со мной и парой слов не обмолвился. Они вели напряженный разговор с Тедом, помощником коронера, лощеным джентльменом, говорившим с аристократическим акцентом, однако, я не сомневался, он был так же нечист на руку, как и все остальные. Лишь только завидев меня, они скрылись в тени. Когда мы закатывали тело в морг, я заметил профессора Джонсона. У него было багровое лицо, и выглядел он так, словно вот-вот сорвется, —

впрочем, как обычно.

– Здравствуйте, профессор Джонсон, – сказал я. – Вы забираете это дело себе?

– Нет, Питер, – ответил профессор, – я здесь по поводу домашней ссоры, которая переросла в убийство, причем выглядит все так, словно он покончил с собой из дробовика.

На часах при этом не было и девяти утра. День обещал быть занятым.

02. Дорога к смерти

Впервые я увидел труп, когда мне было девять. Шел 1955 год, и я вместе с родителями отдыхал в Солтберн-бай-те-Си, традиционном йоркширском рыбацком городке, расположенном в закрытой бухте с песчаным пляжем между рядами утесов. Мы собирались было возвращаться в гостиницу, как вдруг я заметил у кромки воды рядом со скалами оживленную толпу. Во мне заиграло любопытство, и я побежал посмотреть, в чем дело. Все были настолько поглощены рассматриванием, что мне удалось протиснуться вперед, и всего в двух метрах я увидел раздутое и разлагающееся тело мужчины. Несмотря на разложение (и тот факт, что морские обитатели изрядно обглодали его плоть), было понятно, что он был примерно того же возраста, что и мой отец. Его правая рука, отделенная от тела, болталась в воде всего в нескольких метрах. Несколько секунд спустя какая-то женщина оттащила меня в сторону, закрыв глаза рукой и бормоча что-то в духе «детям нельзя такое видеть». Моя мама, только догнавшая меня, поблагодарила ее и начала меня утешать.

Станным было то, что я не нуждался в утешении. На самом деле мне хотелось вернуться к берегу и посмотреть поближе. По какой-то причине родители не стали противиться, когда я отказался двигаться с места. Хоть и стоял немного дальше, чем хотелось бы, я видел, как принесли носилки и

местные рыбаки понесли тело прочь. Я спросил, куда его забирают.

– В морг, – ответила моя мама.

– А что это?

– Дом для мертвецов, – ответила она, начав наконец уводить меня в сторону гостиницы. – И на этом тема закрыта, – добавила она. – Не нужно больше об этом говорить.

Первый в своей жизни труп я увидел случайно, в детстве. Мне совсем не было страшно – только интересно.

Так как она пообещала купить мне чипсов и мороженого, я просто смотрел на дым, поднимающийся от доменных печей сталелитейного завода на южном берегу Тиса, оставив свои мысли при себе.

* * *

Меня усыновили. Я ничего не знал о своих корнях. Новые родители (мама служила в полиции, а отец управлял аукционом) забрали меня из детского дома, когда я был еще совсем маленьким. Прадедушка был миллионером, заработавшим состояние на судоходстве, и жил в огромном загородном доме под Мидлсбро, для ухода за которым требовалось двадцать восемь человек. Отец с матерью знали, что в один прекрасный день все достанется им, так что особо не пере-

живали о будущем.

Мой интерес к смерти рос вместе со мной. Помимо того, что я рисовал отталкивающие, как могли бы их называть некоторые, или как минимум необычные изображения мертвых тел на различных стадиях разложения, к подростковому возрасту я потерял всяческий интерес к учебе и в свободное время читал биографии известных убийц. Когда родители взяли меня в больницу, чтобы навестить больного родственника, при первой же возможности я улизнул, чтобы отыскать морг. Если большинство детей моего возраста предпочли бы летом носиться по маковым полям, я с удовольствием проводил дни, играя среди могильных плит.

Родители сильно обеспокоились и отвели меня к известному детскому психиатру по имени доктор Ренвик. Седовласая и пожилая, она попыталась меня напугать, рассказав, что именно происходит во время вскрытия. Я слушал с открытым от восторга ртом, полностью замороженный мыслями о черепных пилах, винтовых ретракторах и внутренних органах, падающих в специально предназначенные для них ведра. Родители поняли, что эти сеансы не дают желаемого результата, когда я начал считать дни до следующего. Рыская по пыльным букинистическим магазинам, которыми заведовали старики на последнем издыхании, я находил книги про палачей и убийц, а одним чудесным ноябрьским вечером мне попалась прекрасно иллюстрированная книга по анатомии человека.

Последней попыткой моих отчаявшихся родителей излечить от помешательства на смерти стала школа-интернат, в которую они меня отправили. Здесь времени на смерть не было. На самом деле, как по мне, тут было чересчур много жизни. День обычно начинался в полседьмого утра, когда я выползал на школьный двор на пятикилометровый кросс по пересеченной местности вместе с остальными учениками. Спорту в интернате исторически уделялось много внимания, и, независимо от наших физических возможностей, всех школьников в любую погоду выгоняли на поле для регби. В то время, когда я не пытался убежать с пути мальчишек гораздо крупнее меня (которым, бог его знает почему, это занятие нравилось по-настоящему), меня заставляли изучать латынь, физику и историю древнего мира. Я отказывался и провалил практически все экзамены. Когда подошел мой последний день в этом скверном интернате, родители приехали на чай к заведующему. Чувствуя неладное, я подслушал их разговор и, как только понял, что меня планируют оставить на второй год, собрал свой рюкзак, взял посылку с гостинцами, положил их в машину, сел туда сам и отказался выходить.

Увидев, что происходит с телом после смерти, я уже не мог перестать думать об этом и пытался узнать больше. Из-за этого странного увлечения меня даже отправили в школу-интернат.

– Так что же ты теперь собираешься делать? – совершен-

но обоснованно поинтересовалась моя мать. Так как у шестнадцатилетнего мальчика найти работу, связанную со смертью, шансов не было, мне пришлось придумать что-то другое, и единственным, что пришло мне в голову, было актерское мастерство – только этот предмет приносил мне в школе хоть какое-то удовольствие, – во время напряженной поездки домой я пообещал поступить в театральное училище.

Вернувшись домой, мы узнали, что сердце прадедушки не выдержало. Как мне ни хотелось посмотреть на тело, я отчаянно сопротивлялся желанию попросить об этом свою маму, поскольку видел, как сильно она расстроена. Мы собрались в загородном доме на оглашение завещания. Моим родителям не досталось ни пенни. За два года до смерти прадедушка развелся с женой, и к нему в дом перебралась жить его любовница. Она-то все и получила. Увы, но к завещанию было не подкопаться.

Итак, с деньгами внезапно стало туго. Прадедушка был достаточно щедрым, чтобы избавить своих детей, внуков и правнуков от каких-либо финансовых забот, однако теперь все мы оказались не у дел. Мне тоже нужно было как-то зарабатывать себе на жизнь, так что, быстренько закончив театральное училище, я начал работать помощником режиссера в драматическом театре Флоры Робсон в Ньюкасл-апон-Тайн. Мое непродолжительное пребывание там в период постановки «Макбета», пожалуй, запомнилось больше всего из-за многочисленных накладок. Так, например, во время

монологов постоянно было слышно звук смыва из туалета, а однажды вместо звукового эффекта ветра во время сцены с тремя ведьмами на весь партер загремела песня Rolling Stones «(I Can't Get No) Satisfaction». Кроме того, мы приняли опрометчивое решение использовать настоящие мечи, и когда ведущий актер во время дуэли получил удар по руке, он закричал от боли и случайно бросил собственное оружие в зал. Я помчался вниз, чтобы проверить, не ранило ли кого, и меня встретили широкие улыбки группы школьников, отрицавших, что вообще видели меч, который вдруг куда-то пропал. Следующие несколько лет я подрабатывал актером в репертуарном цирке и в итоге оказался в Лондоне, где работы должно бы быть навалом. К несчастью, после нескольких незначительных ролей в различных постановках, как только мне стукнуло тридцать долгим жарким летом 1975 года, работа начала иссякать.

Драматическое искусство не смогло обеспечить меня работой, и я решил обратиться к своей прежней страсти и устроиться в морг.

Я тратил свои сбережения, распивая вино во «Французском доме» на Дин-стрит. Как правило, встречал здесь немало знаменитостей, и одним из постоянных посетителей, с которым я довольно близко познакомился, был автор документальных детективов Эдгар Лустгартен, создавшим еще две криминальные телепередачи: «Скотланд-Ярд» и «Весы правосудия». Не знаю, было ли дело в его рассказах о знамени-

тых убийствах или же в том, что моя театральная карьера зашла в тупик, но внезапно меня захватила идея устроиться на работу в морг.

– О, Господи! – воскликнул Эдгар, когда я ему об этом сообщил. – Не стоит тебе этим заниматься. Морг – кошмарное место для работы: там грязно, темно, и он нагоняет депрессию!

На следующий день я приступил к поискам: посетил пятнадцать муниципальных моргов, в каждом из которых мне заявили, что вакансий нет, особенно для человека моего возраста. Последним в списке был морг в Саутуарке, стоящий в тени больницы Гая. Заведующим морга был мрачный лысый агрессивный мужчина по имени Франк, который выглядел как помесь Дракулы и Игоря⁹. Вид у него был устрашающий, но он хотя бы записал мои данные.

– Если тебе так хочется, можешь попробовать больничные морги, – сказал он, закрывая дверь, – им вечно нужны люди.

Мои ноги гудели, но, будучи настроенным как никогда решительно, я потащился через весь город в морг больницы Университетского колледжа, который был частью комплекса викторианских зданий на Гауэр-стрит, в двух шагах от Сохо, где ко мне и пришла эта идея. Чтобы попасть в морг, мне пришлось пройти через гараж, заставленный до потолка ово-

⁹ Горбун Игорь (часто произносится как «Игор») – стереотипный персонаж готических ужасов или темного фэнтези, иногда встречающийся и в других жанрах. Он представляет собой маленького уродливого слугу на побегушках у злодея (чаще всего безумного ученого, вампира или кого-то вроде них).

щами, а затем, преодолев небольшую лестницу, я зашел в просторное помещение с матовой стеклянной крышей. По центру стояли два мраморных стола, у изголовья каждого из которых было по небольшому столику с медицинскими инструментами. За столами ярусами до самого потолка стояли скамьи. Их симметрия нарушалась надписью «От мертвых мы узнаем про живых».

Открываясь передо мной картина целиком меня поглотила. Я замер на месте, напрочь позабыв про гудящие ноги, словно пришел к конечной цели долгого и тяжелого паломничества. Наконец я оказался в морге, и он был в точности таким, каким я представлял его в своих мечтах, пускай никаких мертвых тел и не было видно.

– Добрый вечер, молодой человек. Чем могу помочь?

Когда я впервые оказался в морге, меня настолько заворожил его вид, что я даже не заметил подошедшего ко мне профессора.

Я чуть ли не вскрикнул от удивления, услышав из-за своего левого уха этот хриплый голос. Мне наконец удалось пробраться в морг, и я был настолько взбудоражен, что даже не заметил в помещении кого-то еще. Развернувшись, я увидел перед собой высокого, импозантного мужчину за шестьдесят, с длинными седыми волосами до плеч, который смотрел на меня сквозь очки в золотой оправе, сидевшие на самом кончике его носа. Он представился профессором Энтони Смитом, заведующим отделением патологии больницы

Университетского колледжа.

Услышав цель моего визита, профессор Смит улыбнулся. – Возможно, у нас есть вакансия, – сообщил он. – Направляйся через дорогу в паб «Веллингтон», там сейчас обедают санитары. С ними тебе и надо переговорить.

С колотящимся сердцем я зашагал в паб, расположенный в старинном здании из темного дерева и матового стекла, с бесчисленными затененными альковами¹⁰.

Внутри было всего два посетителя. Оба сидели за барной стойкой и были одеты в джинсы и куртки. Перед ними стояли бокалы с пивом. Я объяснил, что хочу устроиться на работу в морг, и тут же был встречен широкими улыбками. Мне в руку сунули бокал, и мы переместились за столик, где как следует познакомились. Мужчина постарше, высокий и под сорок, назвался Дэвидом и представил мне Марка, своего младшего коллегу, – парня возрастом ближе к моему.

Они были дружелюбными, и, как я вскоре узнал, очень популярными ребятами (были на «ты» с главами всех отделений в больнице). Кроме того, они были не просто старшими санитарями морга. Дэвид занимал пост председателя профсоюза администраторов и санитаров моргов, в то время как Марк был его национальным секретарем. В общем, я встретил двух самых важных людей в этой области.

¹⁰ Углубление, ниша в комнате или другом помещении.

Все еще накрытое белой простыней тело лежало на мраморном столе. Надев поверх рубашки и галстука зеленый резиновый фартук, Дэвид раскладывал инструменты и сверялся с бумагами. У его сапог стояло пластиковое ведро.

Мои мечты о выходах на поклон в «Ройал-Корт»¹¹ сменились беззвучными реалиями морга больницы Университетского колледжа, и я был в невероятном восторге.

Сосредоточенный на своих приготовлениях, Дэвид не особенно обращал на меня внимание. Закончив, он стянул простынь. Я ахнул от неожиданности. Я приготовился увидеть труп какого-нибудь старика, но вместо этого на белой плите лежало бледное тело красивой японской девочки-подростка с длинными черными волосами.

Подняв на меня глаза, Дэвид махнул рукой.

– Лучше всего в этой работе, – с ободряющей улыбкой тихо сказал он, – использовать аналитический подход. Тело – это сосуд и ничего более, а человека, занимавшего его, уже давно нет.

Я снова посмотрел на тело на столе. Хотя его анатомическое строение и не было нарушено, девочка казалась какой-то нереальной, и я понял, что Дэвид прав: телу недоста-

¹¹ Название королевского театра в Лондоне.

вало искры жизни. Я не ощущал какого-либо присутствия; она была неподвижна и пуста внутри, лишена всяких эмоций. Через другую дверь в комнату зашел Марк, пожелав мне доброго утра. Хоть разница в возрасте у нас с ним и была совсем небольшой, Марк казался гораздо старше меня. Он говорил и действовал с уверенностью, которой я мог только позавидовать. На нем тоже были надеты зеленый пластиковый фартук, резиновые сапоги и пара резиновых перчаток. Марк бросил фартук мне, и я его надел.

Когда постоянно имеешь дело с мертвыми, намного проще воспринимать тело отдельно от целого человека – как сосуд.

Дэвид стоял у головы девочки с планшетом для бумаг в руках, в то время как Марк выбрал скальпель и уверенным движением сделал длинный срединный разрез от подбородка до лобковых костей, после чего отвернул в стороны кожу и с помощью пилы отделил ребра от грудины, достал их и отложил в сторону. Я наклонился вперед. Обнаженные внутренности представляли собой смешение различных ярких цветов – розового, красного, желтого и коричневого – и идеально прилегали друг к другу. Это был настоящий шедевр. Ни одному художнику, скульптору или поэту можно и не мечтать достичь подобной красоты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.